

ААРИН

Как только он закрыл дверь перед Элрет, настояв на том, чтобы она отправилась назначать Таркина, он пожалел об этом. Ему показалось неправильным не быть рядом с ней, словно не хватало части себя.

Решив сделать то, что нужно, он снова поднялся по лестнице в комнату матери. Но как только он открыл дверь и обнаружил, что она так крепко спит, что тихонько похрапывает, он спросил себя, что он делает.

Он стоял в дверях, глядя на ее сгорбленную фигуру, свернувшуюся калачиком на кровати, и в памяти проплывали годы, когда он был щенком, словно это было вчера. Весь страх. Страх, разрывающий нутро. Постоянное сердцебиение и головные боли. Он вздрагивал от малейшего шума и едва мог заснуть, убежденный, что должен быть рядом с ней, чтобы спасти ее от... того, что ее гложет.

В детстве он не знал ничего лучшего. Потеряв внезапно отца, он был убежден, что его мать может умереть в любой момент, если он не присмотрит за ней. А когда она не ела и не пила, пока он ей не приносил, он думал, что это его вина, если она умрет.

Но стоя здесь, перед лицом возвращения той жизни и тошнотворной ямы в желудке из-за этого... Теперь он знал...

Он знал, что в тот момент его ждали лишь часы тревоги, когда он молча наблюдал за ней, пока она спала, а мир вокруг него продолжал жить.

Он хотел, чтобы его мать была здорова, здорова и здорова. Но его поразило, что он не добьется этого, стоя у ее постели и разминая руки.

И вдвойне его поразило, что у нее не будет причин встать с кровати, пока он стоит рядом с ней.

Его сердце заколотилось, безымянный страх юности навис над ним, пытаясь убедить его, что жизнь матери находится в его руках.

Но она не собиралась умирать в ближайшие пару часов. Он мог пойти, побыть с Элрет, пока она назначит Таркин, может быть, найти мудрую женщину, чтобы попросить ее о помощи, и вернуться до ужина, чтобы разбудить ее, если понадобится, и проследить, чтобы она поела и попила.

Он мог это сделать.

Он должен это сделать. Это то, что он сказал бы сделать кому-то другому.

Быстро дыша, он повернулся к двери, потом остановился и обернулся. Затем выругался и снова повернулся к двери.

"Аарин?" - голос матери был слабым и грубым от сна.

"Д-да", - сказал он, его тело обмякло. Конечно, он не мог оставить ее. Конечно, он должен был остаться на случай...

"Сынок, пожалуйста, уходи", - сказала она. "Я хочу спать. Я бы предпочла побыть одна. Иди,

будь со своей подругой. Принеси мне поесть позже. Но иди. Не сиди здесь. Сегодня ты должна праздновать".

Аарин тяжело сглотнула. "Ты уверена?"

"Я уверена...", - сказала она, ее голос становился все тише, когда она отвернулась и снова уткнулась в подушку.

Мгновение спустя ее дыхание снова стало ровным, и Аарин уставился на ее спину.

Через мгновение после этого он рысью спускался по лестнице, проклиная себя за то, как его желудок сжимается от чувства вины.

Он будет через два часа, вот и все. Он не бросал ее. Он просто собирался побыть со своей подругой и попытаться найти мудрую женщину, чтобы получить совет.

Два часа. Максимум три.

Он кивнул сам себе, когда спустился по лестнице и почти трусцой пересек комнату и вышел за дверь. Элрет опередит его на тренировочной площадке, но, возможно, так даже лучше. Он сможет увидеть ее королевой, когда она не будет знать, что он за ней наблюдает.

Он не мог дожждаться.

Когда он подошел к поляне с тропы, где он всю дорогу чуял ее зверя и нашел в пыли не один отпечаток лапы, он усмехнулся. Она небрежно прятала свой путь через лес. Он поддразнит ее позже.

Он подкрался к краю деревьев, надеясь понаблюдать несколько минут, прежде чем обнаружить себя. Ветер был в его пользу. Пока они не стихли, никто из них не учует его, прячась в деревьях.

Он присел за густым кустом и огляделся, чтобы найти ее.

На поле стоял круг солдат, обращенных лицом внутрь, и наблюдали за Таркином... и Элрет.

Они спарринговались?

Он моргнул, когда Таркин вывернул руку-нож и почти схватил Элрет за плечо, но она вывернулась, как кошка, которую носила в себе, и засмеялась.

Снова и снова они встречались, блокировались и танцевали в разные стороны, и каждый раз Элрет хихикала - звук, от которого сердце Аарина пело, но в то же время что-то противное ворочалось у него в животе.

Она наслаждалась собой. Окруженная другими мужчинами - ни один из них не был полностью одет, все они улыбались - она гоготала и улюлюкала, дразня Таркина и принимая его дразнилки в ответ.

Обычно Аарин не был ревнивцем. Хотя Элрет и не интересовалась им раньше, она также не проявляла интереса к другим мужчинам. Он всегда был единственным, кто поддерживал с ней

самые близкие отношения.

Но когда он смотрел, как она дразнит и танцует с этим мужчиной, который, как он знал, был хорошим, сильным мужчиной, человеком, утвердившимся в Племени и среди старейшин, и который мог меняться по своему усмотрению, сердце Аарина сжалось.

Он стоял, уже не прячась, но не зная, подойти ли ему к ним или вернуться в Город Деревьев. Его ревность была нелепой, он знал это. И все же она была в его нутре, горячая и тяжелая, кричащая о том, что другой самец заставляет его подругу улыбаться и смеяться.

Он не знал точно, когда начал идти к ним, но когда Элрет крутанулась, пытаясь унести его ноги, а он прыгнул, чтобы избежать ее, и они оба рассмеялись, а многие солдаты захлопали, Аарин стиснул зубы.

Он не стал ничего говорить. Он просто подойдет достаточно близко, чтобы быть рядом, когда она скажет Таркину, что он капитан, и проследит, чтобы мужчина не...

Аарин замерла.

Должно быть, ветер переменился, потому что Элрет вдруг остановилась и повернула голову в его сторону, ее глаза расширились - страх? Или радость? Но едва она повернулась, Таркин сделал выпад в грудь, и она осталась совершенно беззащитной.

"ЭЛРЕТ, БЕРЕГИСЬ!" Но он опоздал.

Все солдаты зашипели или застонали, когда ее ударили прямо в грудь и свалили с ног.

<http://tl.rulate.ru/book/77243/2519089>